

салон

SNOS?

Снимись с Петром в последний раз!

ПЕРВОГО АПРЕЛЯ СМИ то ли разыграли, то ли порадовали общественность объявлением о начале сноса скульптуры Петра работы Зураба Церетели. С точки зрения искусства различие между правдой-вымыслом этого информационного вброса — напрочь отсутствует. Вечно суетные и малосимпатичные брокеры от культуры уже захватали растянутый во времени процесс установки-сноса Колосса московского своими липкими лапками. "Приватизация" либеральной культуртрегерской группировкой своих "исторических заслуг" в деле демонтажа Колумба забавляет и страшит. Что же предложат гуру современного искусства установить на освободившемся месте? Судя по последним данным, нас ждет нечто страшное… и неприличное.

Коммерсантам от искусства очень, конечно, хочется выстроить удобную для себя идеологическую оппозицию: "если против несоразмерной скульптуры Церетели — значит, за модную пустоту Гельмана". Но, как говаривал в таких случаях один политический деятель: "Крови товарища Бухарина хотите? Не дождётесь".

Надо постараться, чтобы не дождались. Обойдутся ребята, перетопчутся. Почему, например, разгоняющий пешеходов кривой уродец, изображающий Окуджаву, должен стоять на Арбате, а крупный и, на этом фоне, более привлекательный Пётр, притягивающий к Москве-реке туристов, — должен быть наотмашь демонтирован? Если сносим скульптуры из эстетических соображений — развалить надо обоих. Арбатского калеку и разобрать легче, и коммерческий эффект нагляднее. А если из политических — то ломать надо не бутафорского Петра, а пересматривать итоги всей, и не только московской, культурной, так сказать, приватизации. С соответствующими оргвы- водами. Ведь гельманы и прочие фаллосы не на пустом месте взялись.

Но, быть может, это — очередная дымовая завеса, прикрывающая очередной передел собственности? Тогда стоит подкинуть дровишек. Пускай горит, так красивее.

Давайте, друзья, займемся "актуальным искусством". И достаточно всего-то провести "перформанс" на брегах реки, с внятно артикулированной установкой на последний снимок с Петром.

Если на снос денег всё-таки пожалеют, и мероприятие получится победоносным. Но если набережную от Петра отчистят, то на память о монстре останутся бесценные снимки.

Фотографировать арт-объект можно через призму "Слезинки" от Церетели, а можно и без неё: прийти с мольбертом, порисовать с натуры, приобщиться к энергии, испускаемой финансовыми потоками, отлитыми в бронзе. А можно просто, с открытой душой, начать позировать на фоне самого высокого памятника самому известному из рода Романовых. Ведь любое исчезновение, даже самого удручающего культурного слоя, надо фиксировать, это сейчас необходимое культурное действие.

А так как искусство — это всегда продолжение политики другими методами, то и без идеологического контекста происходящего обойтись будет сложно. Ведь остающийся на своём посту главный архитектор столицы Кузьмин, несущий личную индивидуальную ответственность за "художества" юрского периода в Москве, очевидно, по-тихому договорился с некогда шумной группой "Архнадзор" и увитым лаврами ВООПИК.

Возможно, помимо дежурных речей о состоявшемся на наших глазах элитном сговоре необходимым антуражем акции должны стать плакаты: "Перекуём Петра на Айфоны", "Отдай Петра в детские дома", "Не завидуйте высоким".

А для тех, кто не любит политизацию искусства, но желает приобщиться к высоким образцам культуры, будет проведён мастер-класс от преподавателя фотографии Марьи Петрук и несколько сложных лекций по теории и практике "актуального искусства". Фотографирование назначено в районе пяти часов вечера, в пятницу, 15 апреля, в зоне прямой видимости статуи (напротив дома по адресу: Пречистенская набережная, 15/1).

Сергей УГОЛЬНИКОВ

МОЗГ ЖИВ!

"Области тьмы" (Limitless, США, 2011, режиссёр — Нил Бёргер, в ролях — Брэдли Купер, Роберт Де Ниро, Эбби Корниш, Анна Фрил, Джонни Витуорт).

КОСМИЧЕСКОЙ фантастики больше не существует. Вернее, она перестала развиваться как жанр. Удивительный факт, но рост технологий в современном кино открыл в жанровом гетто неожиданно новую дверь. Предметом пристального внимания кинематографистов уже давно не является манящее звёздное небо. Куда больше их влекут коридоры сна, подсознание и прочие сферы предельных человеческих возможностей. Если и случаются редкие прорывы в космическую тьму, то это картины в стиле старых добрых 70-х — к примеру, удачный малобюджетный режиссерский дебют сына Дэвида Боуи Данкана Джонса "Луна 2112" с Сэмом Рокуэллом в роли одинокого лунного астронавта в поисках собственной самоидентификации. Недавно вышедший на экраны второй фильм Джонса "Исходный код" уводит фантастический жанр уже в иные, не космические реальности. Картина рассказывает об очередном правительственном эксперименте, позволяющем герою переноситься в личность другого человека. Таким образом, герой, потерявший память и, мягко говоря, несколько дезориентированный во времени и пространстве, должен отыскать и обезвредить страшного террориста.

Не менее странные дела обстоят и в других мирах. Параллельные реальности в киберпанковском антураже лент вроде "Трон: Наследие" Джозефа Косински демонстрируют визуальные эффекты, покрывающие убогую драматургию дорогим ковром гигантского бюджета. Для интеллектуалов существует Кристофер Нолан со своим претенциозным "Началом". А любители гиперболического пиршества для глаз — "Воображариум доктора Парнаса" Терри Гиллиама.

Свежеиспеченный "пирожок" под названием "Области тьмы" режиссёра Нила Бёргера, автора давнишней картины "Иллюзионист", также исследует границы реальности. Экранизация романа Алана Глинна с первых кадров вызывает в памяти знаменитый "Бойцовский клуб" Дэвида Финчера. Пьющий писатель-неудачник Эдди Морра (Брэдли Купер) переживает нелёгкие дни. Книга, которую ждут в издательстве, никак не желает писаться, любимая девушка возвращает ключи от квартиры, и Эдди все больше времени проводит в нью-йоркских барах. Случайная встреча с братом бывшей жены дает Эдди возможность попробовать чудо-таблетку — засекреченный препарат, не вышедший в производство, под названием NZT. Под воздействием волшебной пилюли парень совершенно преображается, его мозг начинает работать на полную мощность. Он не только пишет книгу в короткий срок, возвращает любимую, но и зарабатывает на бирже огромные деньги. Однако вскоре Эдди понимает, что без замечательной таблетки он не просто лишается своих способностей, но и начинает со страшной скоростью деградировать. Более того — побочные эффекты препарата смертельно опасны. Ко всему, парень попадает под бдительное око влиятельного бизнесмена Карла Ван Луна (Роберт Де Ниро), и за NZT начинается рискованная охота.

"Области тьмы", конечно, сложно назвать откровением, но на фоне безликой беспомощности фантастического жанра фильм выделяется отличным ритмом, драйвом и неглупым чёрным юмором. В одной из сцен, происходящей на катке, героиня использует в качестве режущего орудия коньки ребёнка. Несколько других эпизодов посвящено нашему соотечественнику — криминальному громиле по имени Геннадий, который лихо преображается под воздействием NZT и "открывает для себя Гугл". Ироничный подход к материалу не даёт Нилу Бёргеру скатиться в обычный примитив, а закадровый монолог героя вторит изящно сконструированному устройству мира в единственно верный унисон.

Но не стоит забывать, что "Области тьмы", при всей внешней схожести с "Бойцовским клубом", несут в себе совершенно иные задачи. Стимуляция мозговой деятельности нужна герою исключительно для того, чтобы быстро разбогатеть и править миром. Став за пару недель миллионером, Эдди Морра не находит ничего лучшего, чем погрузиться в бездны Уолл-стрита ещё глубже. Вот куда приводят мечты современного киногероя — не на берег океана, не на банановые острова с воздухом свободы, а в серые будни биржевых сводок. Ещё пару десятков лет назад персонажи фантастического кино мечтали о полётах в космос, контактах с иными мирами, заселении далёких планет. А герой, грезящий исключительно о богатстве и полноте власти — от эпопеи про Джеймса Бонда до карикатурных злодеев кинокомиксов, — всегда считался фигурой отрицательной. Теперь ситуация меняется в корне: быть меркантильным не только не зазорно, но по мнению авторов — единственно правильно. Герой, достигающий могущества с помощью бронебойной таблетки, метит в президенты, и открытый финал истории явно подразумевает продолжение ленты, где, видимо, мы станем свидетелями приключений Эдди Морра в мире большой политики.

В 60-е годы прошлого века вышел научно-фантастический роман "Цветы для Элджернона" Дэниела Киза — книга неоднократно экранизировалась. Главный герой — Чарли Гордон, с детства болеющий умственной отсталостью, в ходе экспериментальной операции по удалению повреждённых участков мозга превращается в нормального человека. Более того, его интеллектуальные способности растут с каждым днём, и через пару месяцев парень становится гением. Но эксперимент провалился — регресс неизбежен. Постепенно Чарли возвращается к своему первоначальному состоянию.

Схожесть сюжетных фабул Киза и Глинна — налицо. Разница в том, что "Цветы для Элджернона" — "одно из самых человечных произведений новейшего времени, роман пронзительной психологической силы, филигранное развитие темы любви и ответственности", а "Области тьмы" (оригинальное название — Limitless) — продукт нового времени, с людоедской моралью и типичным для современного общества социальным цинизмом.

Этого ли мы ждали? Кинофантастика последнего времени выявила два направления: апокалиптические боевики, маскирующиеся под дешевое документальное кино, — мало нам того, что ежедневно показывают в теленовостях, и психологические триллеры разной степени занудности. Некоторые режиссеры, чьи имена неразрывно связаны с апологетикой жанра, неожиданно меняют амплуа. Например, Роланд Эммерих снимает фильм "Аноним" — историю о том, что произведения Уильяма Шекспира написаны вовсе не им. Сможет ли режиссер превратить этот в принципе далеко не оригинальный сюжет в очередной фильм-катастрофу, покажет время.

Другие "творцы миров" остаются верными выбранному пути: Джеймс Кэмерон, чуть было не поддавшийся искушению снять Анджелину Джоли в новой версии "Клеопатры", всё же решил не рисковать и снять два сиквела "Аватара". В любом случае хочется верить, что еще появятся фильмы, которые потрясут зрителей масштабом замысла и визуальной роскошью. И космическая опера еще не раз пронесется по экранам со скоростью сверхмощного звездолета, а новые герои займут достойное место в пантеоне культовых эпопей.

Анастасия БЕЛОКУРОВА

НЕМНОГО ЖАЛЬ АМЕРИКУ

КТО ЖДАЛ, ТОТ ДОЖДАЛСЯ. Кто хотел видеть, увидел. Правда, зрение у всех оказалось разное. Я говорю о московских гастролях American Ballet Theatre. Американцы выступали на сцене ГАБТ в рамках II Международного фестиваля Мстислава Ростроповича. То есть спектакли ABT не были затеей Большого театра; полагаю, балетного в приезде заокеанских танцовщиков было меньше, чем учтиво-политического, но нам-то какое дело? Мы пришли посмотреть то, что по скудости кошелька не можем увидеть непосредственно на родной сцене. Посмотрели.

Восторги и критика перемешались. Из нестройного хора, впрочем, выбиваются три лейттемы. Первая: Дэвид Холберг — король! Вторая — Джиллиан Мерфи имеет непривычные формы. Третья вовсе смешная и звучит примерно в стиле "ратманский наше фсьо". Каждая из заявок имеет право на жизнь. Как и любая из противоположных оценок.

Да, Холберг красив. С такой внешностью, как у нордического юноши, перед войной позировали для агитплакатов Waffen SS. Кажется, сделай Холбергу соответствующую армейскому этикету стрижку, Лени Рифеншталь воскреснет и бросится к камере. Чтобы отложить её после нескольких кинопроб: танцовщику не хватает мужественной энергии, его красоту портит вялая изнеженность. Которая сама по себе не есть зло для балета, но применима в нем избирательно. Конечно, атрибут аристократизма — скука, тут с Ницше не поспоришь, но есть же что-то кроме неё, что отличает пресыщенного нобиля от безвольного интеллигента-неудачника. И мы поговорим об этом. Только позже.

Джиллиан Мерфи мне лично, напротив, понравилась именно своими формами. Округлостями и терпким женским призывом роскошествующей по балетным меркам плоти. У нас таких танцовщиц почему-то не любят как раз те, которые, подобно мне, очаровались американкой. Вот только я и наших балерин торжественной стати люблю и никогда не скрывал это чувство. Впрочем, любовь есть вопрос частных пристрастий — общим же мнением является то, что танцевала девушка достойно, претензий к ней нет. Сам я не очень-то в теме "пятых позиций", но зрители произносили такие слова, как "выучка" и "точность". Поверю. Ибо яростно отстаиваю свое святое право на "невежество": я хотел бы покинуть планету, не зная, чем отличается жете от плие. Правда спокойно умру я в подобном неведении, лишь пребывая в твердой уверенности, что есть те, кто следит за "всеми этими падебурре" и не позволит балету отклониться от первоначальной чистоты и строгости искусства, рожденного во дворцах. Наверное, те, кто говорил о выучке, из балетных жрецов. Наше дело — солдатское: верить им и слушать команду.

Поспорить мы можем лишь об аристократизме.

Вышло так, что я посмотрел американскую программу полтора раза. Не в том смысле, что со второй ушел, а в том, что первый просмотр был в режиме генеральной репетиции. Сказать что-то по увиденному было сложно. Танцевали все примерно в "одну восьмую" ноги, поэтому вечерний сеанс предстал закономерной необходимостью.

Скажу сразу, что разница была ощутимой. Примерно как между упомянутой дробью и "одной второй". Если считать спектакль "вполноги" за единицу, то недостающую восьмушку добавил зал. Заполненный хорошо под завязку до самого перерыва.

Классика американского танцевального театра — мюзик-холл. Потому-то одноактная шутка Джерома Роббинса "Матросы на берегу", которую лихо сплясали горячие латинские парни под музыку Леонарда Бернстайна, доставила. Для нас это была Америка стереотипов, а для Америки это — священная история отечественного балета. Истинная правда: это было неплохо. Затянуто, да, но нужно помнить, что сочинял свой хореографический опус Роббинс тогда, когда у людей было много свободного времени. Ярко, весело. Похоже, визуальный ряд своего "Кереля" Фассбиндер подсмотрел в декорациях Оливера Смита и костюмах Кермита Лава. Балет — 1944-го года выпуска и, зная хватку американских профсоюзов, трудно предположить, что его оформление с тех пор изменилось. За приверженность традициям и охрану авторских прав можно похвалить. Вот только стереотип остается стереотипом.

Роббинс — хорошо, но мне близка не та Америка.

Америку настоящую, как ни странно, показал мне Джордж Баланчин. Танцевали его "Темы с вариациями" на музыку Чайковского. Я впервые видел Баланчина в исполнении тех, для кого балетмейстер придумывал танцы. И внезапно поймал себя на том, что бывший русский грузин — действительно американский хореограф! Он увидел в Америке то, что мы обычно склонны не замечать в нашей ослепительно-нервной неприязни к США.

Полно, разрешим конфликт: Баланчин создавал искусство для совсем другой страны, она даже называлась иначе: САСШ. Полегчало?

А раз отпустило, то всмотримся в "Тему с вариациями". Что мы видим? Что Баланчин ухватил самую суть англо-саксонской культуры, плотью от плоти которой являются Штаты, что ни говорили бы нам о мультикультурализме, которого нет. Есть настоящий командный дух, тезис о "честной игре" и кодекс "спортивного поведения". Кордебалет, на мой взгляд, выглядел великолепно именно потому, что на сцене работала команда. При таком подходе солистам нужно лишь не завалить свои выходы. Они и не завалили. Пусть Холберг и не поразил, а Мерфи оставила кое-какие вопросы — всё выглядело в высшей степени пристойно. "Тема с вариациями" оказалась лучшим произведением вечера. Не единственно потому, что "смотрелась". Балет оказался способен разбить стереотип об "американском индивидуализме". Который, безусловно, есть, но называется частной инициативой. И базируется на том, о чем писал в своих потрясающих книгах Киплинг.

Смог ли Баланчин изменить что-то в зрительском восприятии Америки, я не знаю: я ведь тоже особо ничего не менял, ибо Киплинг с его идеалом казармы является одним из моих самых любимых писателей.

Полной противоположностью Баланчину стал Алексей Ратманский, нынешний руководитель ABT. Его "Семь сонат", поставленные на музыку Доменико Скарлатти, оказались лишь внешне похожими на неоклассику самого основоположника стиля.

К сожалению, творение Ратманского нужно признать бессмысленным. Дело не в том, что он не рассказал историю — смысла нет в самом факте существования короткого танцевального упражнения.

Я отнюдь не отношу себя к принципиальным противникам Ратманского, хотя готов пересмотреть свою позицию. Бывший худрук Большого балета подсуден хотя бы потому, что совершает "преступление против культуры". Тем более опасное, что маскируется ее формальными признаками.

Коротко, о чём критикуемый балет? Видимо, о разных взаимоотношениях разных любовных пар. Решено это "любовное настроение" вполне плавно (околобалет в таких случаях говорит о кантилене), не без сладкой красивости. Вот только разных характеров, что подчеркивалось бы различием хореографического рисунка, у Ратманского нет. Ну, да ладно с мастерством и изобретательностью — давайте возьмемся за основу: а нужны ли балету человеческие индивидуальности персонажей? На мой взгляд, подтверждённый сопоставлением Ратманского и Баланчина в пределах одного вечера, нет.

Георгий Мелитонович Баланчивадзе застал дворянскую культуру лично. Он почувствовал на себе

Розали О'КОННОР

особенности дворцового стиля поведения. "Тема с вариациями" говорит о том, что он жил в балете — дворцовом, дворянском, аристократическом. Кто такой аристократ? Грубый воин, внешне изнеженный лишь до тех пор, пока не пришла пора вцепиться в глотку врагу. Чтобы потом вновь разойтись с ним с учтивостью равных. Дворянин — это человек, который превозмог свой индивидуализм ради церемониала в целях видового самосохранения. Дворянин был дик и буен, когда война позволяла воевать дико и буйно, и он же стал дисциплинированным строевым офицером, когда война потребовала другие качества.

Баланчин ясно показал нам, что дворцовая культура не знает индивидуальности — последнюю придумала буржуазия, и я согласен в этом с Эрнстом Юнгером. Хореограф показал нам церемониальные отношения любви — и они оказались более убедительными, чем экзерсисы Ратманского. Даже музыку Баланчин взял такую, в которой явно присутствуют маршевые мотивы.

В общем, Баланчин показал, что истинный балет — искусство военных парадов, а вовсе не интеллигентских салонов.

Ратманскому не дано. Он не видел дворцов, он судит об аристократии по рассказам прислуги. Беда даже не в том, что он не мыслит ансамблями, беда, что он не может предположить, что мыслить в балете нужно только так, чтобы балет оставался явлением культуры.

На этом можно было бы и завершить заметки, не останься еще одно произведение, чью мировую премьеру увидели москвичи. Это "Тройка" Бенжамена Милльпье на музыку И.С. Баха. Знаменит хореограф тем, что дружит с Натали Портман и поставил для нее танцы в "Черном лебеде". А что у нас?

У нас три неплохих танцовщика станцевали странное произведение. Вот только не ждите, что я буду ругать танцующих. Никогда! Они выходят на сцену для того, чтобы их любили, а я сажусь в зале любить их. Разве вина балетных девочек и мальчиков в том, что между ними и зрителем становится порой хореограф и требует, чтобы любовь проходила в извращенной и особо циничной форме?

Всё это увидел я, автор данных строк. И поделился с вами, читатель, с солдатской прямотой.

Что увидели остальные, судить не берусь, может быть, они вообще злодеи, которым Америку не жалко!

Евгений ЛИКОВ

На фото: Джиллиан Мерфи и Дэвид Халберг в сцене из спектакля «Тема с вариациями».

УНДЕРВУД. "Бабл-гам" ("СОЮЗ"), 2011.

РЕШИЛ сделать паузу в обозрении русской независимой музыки и отметить вполне благополучный коллектив, уверенно прописавшийся на таких радиостанциях, как "Наше радио" и "Маяк". В случае "Ундервуда" подобная "прописка" — совсем не приговор по части "форматного" отношения к делу. Равно как и наоборот. На том же "Маяке" утреннее шоу Стиллавина и К° ежедневно знакомит с народным творчеством вне региональных или стилистических границ. Увы, перепевок, стандартов, стереотипов — очень-очень много.

К тому же, самый знаменитый номер группы — "Гагарин, я вас любила!" в наступившем апреле звучит с новой силой.

"Бабл-гам" — шестая пластинка "Ундервуда", справившего минувшей зимой своё пятнадцатилетие. В юбилейном концерте поучаствовали Макаревич, Кортнев, Гришаева, Градский. Набор друзей, словно собрание тёмных из кино-"дозоров", но не будем придираться.

Предыдущий альбом "Все, кого ты так сильно любил" — я описывал в № 50 за 2008 года и пришёл к выводу, что "ундервуды" исповедуют несовременное мужское мировоззрение и в чём-то пересекаются с куртуазными маньеристами. Особенно, если вспомнить одно из последних определений Вадима Степанцова: "Куртуазный маньерист — это чувственный кривляка". Смущает слово "кривляка", но, очевидно, что "кривляние" телевизионных юмористов и "ундервудов" — разные миры.

"Бабл-гам" — дюжина композиций, не открывающая новые горизонты в истории группы. Скорее здесь есть всё, чем дуэт "крымских врачей" Максим Кучеренко — Владимир Ткаченко славен и любим. Встретил одну неплохую конструкцию: "парадоксально-ироничные кодировки окружающего мира, понятные тем, кто умеет получать удовольствие от интеллектуальных игр". Как водится, разнообразны аллюзии — от Шекспира и Бергмана до Томаса Бруссига и Дэвида Брауна. Вообще, когда альбом поп-группы начинается: "Я родился в эпоху застоя, я живу в эпоху отстоя…" — это доставляет.

К тому же на сцене, в свете софитов, многие вещи явственно бросаются в глаза, более выпуклы.

У меня во лбу звезда, на лбу — корона,
Рот на привязи и сердце на замочке.
Я похож на императора Нерона,
Мои нервы, как в букетике цветочки.
Не люблю я эти шепоты и крики
И дышу на всякий случай
полной грудью.
Я такой маниакальный и великий,
Ну а это, ну а это что за люди?
Морально я здоров, как бык,
Моя мечта, моя халява:
Квартира, машина, мировая слава.

На прошлом альбоме в центре внимания был Чехов, здесь больше Гоголя, любимого писателя музыкантов "Ундервуда". Поклон Гоголю — песня "Дураки и дороги". АК Троицкий вообще сравнил группу с Гоголем — перехлёст, разумеется. Но цепкий взгляд, комизм и энергичный язык — налицо. Так что, если не Гоголь, то точно — Котляревский. "Ундервуд" — вообще великолепные мастера бурлеска.

Ай-я-я-я-яй, что делает Китай!
Ой-ё-ё-ёй, он обувает полмира!
И даже запчасти к сортиру
В отечестве не раздобыть!
И лиру на той, что играет Орфей
Уже без него не купить

Несколько удивляет название пластинки. Исторически "бабл-гам" — конвейерный популярно-слащавый стиль, синтезированный продюсерами, среди которых выделялись Джерри Казенец и Джефф Кац, в расчёте на аудиторию тинейджеров. Вроде бы удивительно, что такое название избрали умные и нетривиальные музыканты.

Однако в стиле "бабл-гам", особенно спустя десятилетия, можно найти множество отличных вещей. Тем более к "бабл-гаму" иногда причисляют глэм-рок и даже ABBA. В варианте "Ундервуд" название "бабл-гам" имеет двойной смысл. С одной стороны, это вкусная, сладкая, лёгкая воздушность, это пузырь, который можно надуть до размеров воздушного шара и улететь на нём в своих фантазиях в мир бесконечно сладкий и наивный, в мир лёгких отношений и безопасного секса, в мир бабл-гама. С другой стороны, это символ бездумного животного потребления, образ душевной попсы, когда сила есть, воля есть, а силы воли нет".

В альбоме "Бабл-гам" хватает и социальной сатиры, и тонкой лирики. "Ундервуд" — это хороший баланс осмысленного цинизма и изысканного романтизма. Такой подход к миру позволяет крепко стоять на ногах, не истерить и не прогибаться под изменчивый мир.

Подскажите, как выйти
к Третьему Риму,
Кто-нибудь знает?
Я ехал к Солохе,
а встретил Святую Марию.
С кем не бывает...
Мы живём на Земле
Без особых затей
Шьём шинели и носим носы.

Андрей СМИРНОВ